

Еще раньше, при первой встрече Раскольникова с Порфирием, Разумихин говорил об умении Порфирия «притворяться»... для того, «чтобы всех одурачить»: «Да ведь всё притворяется, черт!» (6, 197—198). Говорил тоже, что взятую на себя роль, бросаясь из крайности в крайность, Порфирий по две недели и даже по два месяца «выдерживает»: «Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил. Мы уж стали его поздравлять. Ни невесты, ничего не бывало: всё мираж!

— А вот соврал! Я платье сшил прежде. Мне по поводу нового платья и пришло в голову вас всех поднадуть.

— В самом деле вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу — ха-ха-ха!» (6, 198).

Именно это Порфирий и делает, чтобы поставить в первом допросе заключительную точку и, прикинувшись «мещанином в халате» и прямо обвинив Раскольникова в преступлении, убедиться самому, что он прав. Одновременно он пытается внушить убийце, что ввиду явившегося откуда-то «из-под земли», «из-под полу» свидетеля ему бессмысленно далее «запираться» (см.: 6, 275).

Слова Порфирия «я вас проведу» звучат и в переносном, и в прямом значении. Следователь сумел «провести» (т. е. надуть, одурачить) преступника, обернувшись для него «мещанином» в реальности (напомню мысль Раскольникова, идущего к Порфирию в первый раз: «Ну, да там как обернется... посмотрим...» — 6, 190), затем «мещанином» и «старухой» в инфернальном сне. Следователь сумел «провести» преступника и буквально (т. е. заставить его идти за собой) и тут, и там — и в реальности, и во сне. Заметим, кстати, что в черновиках к роману Раскольников видит во сне не мещанина, а Порфирия: «У Порфирия остается убеждение, что он (Раскольников. — В. В.) убил (...); во сне видит Порфирия.

НВ. Гадкий, унижительный, мальчишеский сон про то, как его ловит Порфирий» (7, 167).

В окончательном тексте сон страшнее. Если в реальности Порфирий ведет за собой Раскольникова для того, чтобы обвинить его в убийстве, то во сне он это делает, в конечном счете, для того, чтобы показать преступнику самый естественный в его случае и самый «гадкий, унижительный» вариант инфернального возмездия за совершенное злодеяние (6, 212—213).

Убедившись (психологически и «про себя» — 6, 349) в том, что Раскольников — убийца, Порфирий на следующий день, при встрече, уже не подает ему руки, тогда как накануне, прощаясь, он, пусть и не вполне искренно, но все-таки руку ему протянул. Ср.: «Вы уж уходите! — ласково проговорил Порфирий, чрезвычайно любезно протягивая руку. — Очень, очень рад знакомству» (6, 204). И на другой день: «— А, почтеннейший! Вот и вы... в наших краях... — начал Порфирий, протянув ему обе руки (...) „Он, однако ж, мне обе руки-то протянул, а ни одной ведь не дал, отнял вовремя“, — мелькнуло в нем (Раскольникове. — В. В.) подозрительно» (6, 255).

Для того чтобы Порфирий так поступил, рассказа мещанина, горького пьяницы, и «психологии», его «рылу» неприличной, было бы недостаточно. Будучи, как аттестует своего дальнего родственника (6, 104, 186, 226) Разумихин, «недоверчив, скептик, циник» (6, 189), Порфирий бы этому пьянице не поверил. Но он не мог не поверить своей «психологии» и «своим глазам».

Возвращаясь к этому эпизоду позднее, Порфирий говорит Раскольникову: «...как услышал тогда про эти колокольчики, так весь даже и замер, даже дрожь прохватила. „Ну, думаю, вот она черточка и есть! Оно!“ Да уж и не рассуждал я тогда, просто не хотел (до такой степени его увлекло, по-видимому, желание поскорее убедиться в своих подозрениях. — В. В.). Тысячу бы рублей в ту минуту я дал, своих собственных, чтобы только на вас в свои глаза посмотреть: как вы тогда